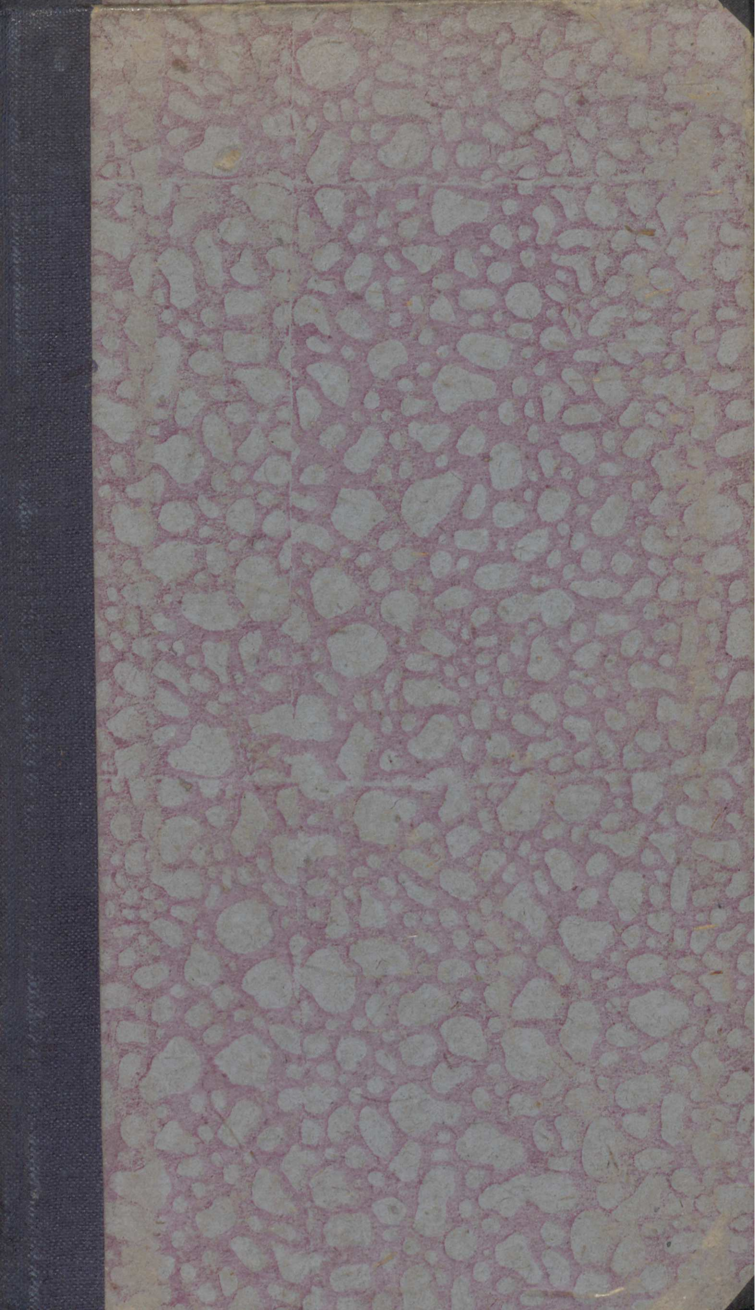
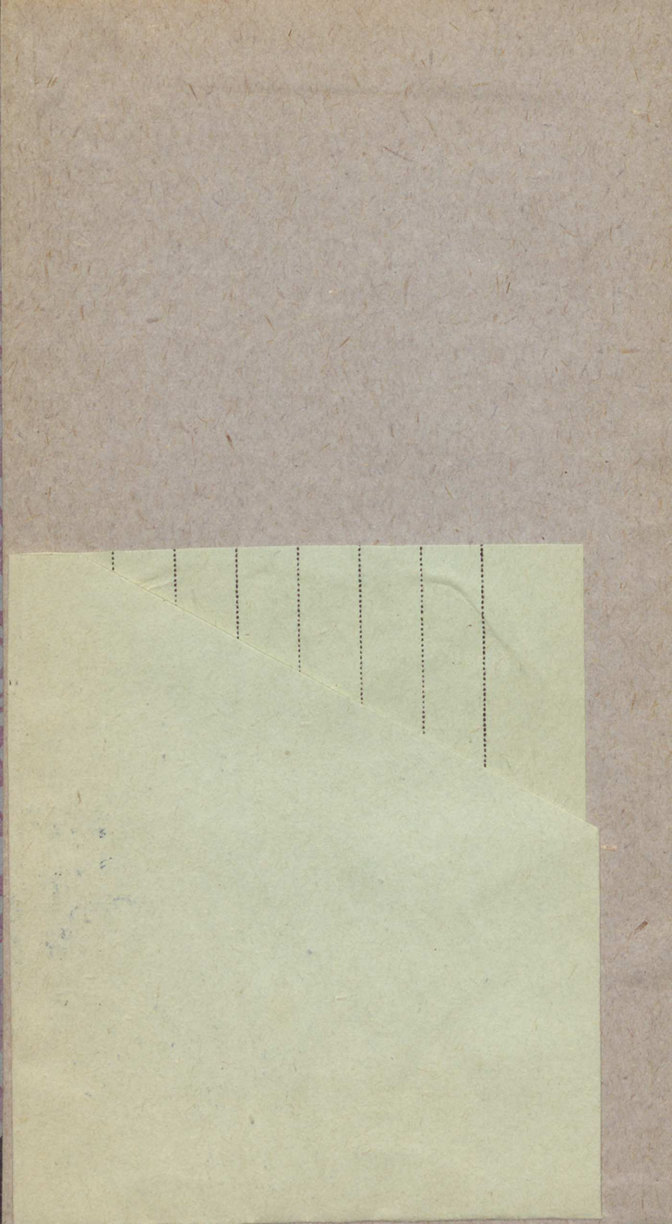

СЛОВО
ПОХВАЛЬНОЕ
ФРАНЦУЗСКИМЪ
ОФИЦЕРАМЪ,
УМЕРШИМЪ НА ВОЙНѢ
ВЪ 1741 ГОДУ.

СОЧИНЕННОЕ

Г. ВОЛТЕРОМЪ.

Переводъ
Николая Неплюева.

МОСКВА,
Въ Типографіи Компаніи
Типографической,
съ Указнаго дозволенія,
1787.

ЕГО

ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ

СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ,

ОРЛОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ

И

КАВАЛЕРУ,

СЕМЕНУ

АЛЕКСАНДРОВИЧУ

НЕПЛЮЕВУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Стараясь исполнить должность, налагаемую мнѣ родствомъ и великодушнымъ Вашимъ покровительствомъ, посвящаю Вамъ первый опытъ упражненія моего въ Наукахъ. При всемъ маломъ еще моемъ познаніи не могу я не чувствовать, какъ просвѣщенъ мой Судія, какъ великъ мой Авторъ, какъ малъ даръ мой, какъ слабъ мой переводъ, и какъ недостойно Васъ такое приношеніе:

но онымъ тщится изъявить двенатцатилѣтній Вашъ племянникъ чувствованія глубочайшаго почтенія и благодарности. Вотъ единое извиненіе, коимъ себя ласкаетъ,

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Вашъ всепокорнѣйшій слуга

Николай Неплюевъ.

СЛОВО
ПОХВАЛЬНОЕ.

Страна, бывшая примѣромъ прочимъ народамъ, научившая ихъ всѣмъ искусствамъ, и самому искусству военному, наставница Римлянъ, наставниковъ нашихъ, словомъ, Греція

 между

между своими установленіями, кои еще насъ удивляютъ, ввела обычай освящать память гражданъ, пролившихъ кровь за отечество, надгробными хвалами. Обычай, достойный Аѳинъ, достойный храбраго и человѣколюбиваго народа, достойный насъ. Для чего же не послѣдуемъ мы оному, мы, отъ давнаго уже времени щастливые въ толикихъ родахъ соревнители сего почтеннаго народа? Почто намъ ограничивать себя прославленіемъ по смерти токмо тѣхъ, кои, бывъ зрѣлищемъ міра по своему возвышенію, утомлены были похвалами во время жизни?

Справедливо безъ сомнѣнія и нужно человѣческому роду славить Тита, Траяна, Лудовика XII, Генриха IV, и имъ подо-

подобныхъ. Но не уже ли всегда мы будемъ воздавать единому сану сіи должности толь важныя и пріятныя, когда онѣ отдаются человѣку, и толь тщетныя, когда онѣ составляютъ токмо нужную часть погребенія, когда сердце не тронуто, когда единое тщеславіе Витіи ласкаетъ человѣческому тщеславію, и когда въ вымышленной рѣчи и принужденномъ раздѣленіи истощаютъ всѣ силы надъ легкомысленными похвалами, кои съ дымомъ надгробныхъ свѣтильниковъ изчезаютъ? Естьли уже всегда должно славить тѣхъ, кои были велики, по крайней мѣрѣ возбудимъ иногда прахи и тѣхъ, кои полезны были. Благополученъ безъ сомнѣнія (буде гласъ живущихъ можетъ проникать мракъ гробовъ), благополученъ Судія, пре-

 дан-

данный безсмертію тѣмъ же краснорѣчивымъ языкомъ, который извлекъ толико слезъ о смерти Маріи Аглинской, и который достоинъ былъ славить Конде великаго! Но ежели прахъ Теллісровъ получилъ достойныя почести, то не спрашиваетъ ли нынѣ всякой доброй гражданинъ, возданы ли оныя великому Колберту, сему мужу, произведшему толикое изобиліе ободреніемъ искусствъ, устремившему высокіе виды свои до концевъ земли, доставившему Франціи обладаніе на моряхъ, и которому обязаны мы величествомъ и благоденствіемъ, долгое время неизвѣстными?

О память! о имяна малаго числа людей, съ пользою отечеству служившихъ! пребывайте вѣчно. Но да не погибнете совсѣмъ

всѣмъ и вы, о воины! скончавшіе жизнь для нашего защищенія. Вашею кровію пріобрѣли мы побѣды; по вашимъ растерзаннымъ и трепещущимъ тѣламъ сподвижники ваши устремлялись на враговъ и на высоту толь многихъ стѣнъ возходили; вамъ обязаны мы славнымъ миромъ, купленнымъ вашею гибелью. Чѣмъ болѣе война есть ужаснѣйшее зло, соединяющее въ себѣ всѣ бѣдствія и преступленіе, тѣмъ болѣе должна быть наша благодарность къ симъ неустрашимымъ сынамъ отечества, предавшимъ себя на пагубу, дабы доставить намъ сей щастливый миръ, который долженствуетъ быть единою цѣлію войны, и единымъ видомъ честолюбія справедливаго Монарха.

Сла-

Слабые и заблуждшіе смертные, мы, которые такъ много разсуждаемъ о своихъ должностяхъ, столько углубляемся въ свою природу, въ свои нещастія и слабости; мы наполняемъ непрестанно наши храмы укоризнами и осужденіями, проклинаемъ малѣйшіе безпорядки жизни и самыя скрытныя угожденія сердцамъ; мы гремимъ противъ пороковъ и погрѣшностей предосудительныхъ по истиннѣ, но едва возмущающихъ общество: между тѣмъ чей голосъ, обязанный внушать добродѣтель, возвысился когда противу сего толь великаго и всеобщаго преступленія, противъ сего вредоноснаго неистовства, превращающаго въ свирѣпыхъ звѣрей человѣковъ, рожденныхъ жить братьями; противъ сихъ жестокихъ грабленій; про-

противъ сихъ лютостей, кои дѣлаютъ изъ міра жилище разбоевъ, ужасную и пространную могилу?

Отъ береговъ рѣки По до береговъ Дунайскихъ, повсюду благословляютъ имянемъ одного Бога тѣ знамена, подъ коими ходятъ тысящи наемныхъ убійцъ, побужденныхъ духомъ распутства, наглости и хищенія оставить свои поля. Они странствуютъ и премѣняютъ Государей; они подвергаются безчестной казни для малаго прибытка. Часто въ день сраженія воинъ, служившій недавно подъ знаменами отечества, проливаетъ безъ угрызѣнія кровь собственныхъ согражданъ своихъ, ожидая съ жадностію удобнаго часа, когда онъ можетъ на мѣстѣ кровопролитія исторгнуть

гнуть отъ умирающихъ нѣкоторыя нещастныя корысти, похищаемыя по томъ у него другими. Таковъ есть весьма часто воинъ; таковы суть ослѣпленныя и грубыя сборища, употребляемыя къ премѣнѣ судьбины государствъ и къ возвышенію знаковъ славы. Разсматривая ихъ соединенныхъ и идущихъ въ порядкѣ, подъ предводительствомъ искуснаго Военачальника, составляютъ они самое величественное и важное зрѣлище во вселенной; принимая же каждаго въ особенности, по ихъ развратностямъ, безчеловѣчіямъ и безразсудствамъ (выключая малое число), они суть презрѣннѣйшая часть народовъ.

Но весьма различны отъ нихъ управляющіе ими. Плѣнены

нены своею честію и славою Монарха, всегда готовы со хладнокровіемъ презирать смерть, при всѣхъ причинахъ любить жизнь, всегда готовы оставлять безъ скуки увеселенія общества для трудовъ, ужасающихъ природу; человѣколюбивы, великодушны, сострадательны, въ то время, когда варварство повсюду окрестъ ихъ пылаетъ злобою; равно способны и къ пріятностямъ общежитія и къ военнымъ опасностямъ; учтивы и купно горды; не рѣдко украшены знаніями, а паче остротою разума. По сему изображенію чужестранные народы познаютъ начальниковъ войскъ нашихъ; они признаютъ притомъ, что по укрощеніи перваго весьма пылкаго огня ихъ молодости нужнымъ испытаніемъ, побуждаютъ

ютъ они себя любить самыхъ своихъ непріятелей. Но естьли пріятности ихъ разума и нравовъ смягчали иногда самыя жестокія души, то чего такъ же не произвела ихъ храбрость?

Они защищали многіе мѣсяцы столицу Богеміи, въ малое время ими завоеванную; они наступали и осаждали себя осаждающихъ; они выдерживали продолжительныя сраженія въ окопахъ; они преодолѣвали голодъ, непріятелей, смерть, чрезмѣрную суровость времени, въ сей достопамятный походъ, хотя не столь долговремянный, какъ Ксенофонтовыхъ Грековъ, но не меньше трудной и отважной. Ихъ зрѣли подъ военачальствомъ искуснаго и неустрашимаго Князя, свергающихъ непріятелей своихъ съ

высотѣ Альпійскихъ, и торжествующихъ вдругъ надъ всѣми препонами, кои естество, искусство и мужество противополагали непреклонной ихъ храбрости. Въ поляхъ Фонтенойскихъ, на брегахъ Шельды и Массы, ихъ кровію обагренныхъ, подвигами ихъ возвращена побѣда сему Монарху, коего соединенные противъ него народы долженствовали бы избрать посредникомъ. Но колико еще дѣйствъ, произведенныхъ сими Героями, въ неизвѣстности сокрыто?

Чѣмъ же превосходили ихъ толь прославленные Центуріоны и Трибуны легіоновъ Римскихъ? Развѣ, можетъ быть, непремѣннымъ наблюденіемъ военнаго порядка? Справедливо, что древніе Римляне затмѣвали

всѣ Европейскія области, когда Греція пришла въ слабость и раздѣленіе, прочіе же народы были еще варвары, безъ всякихъ полезныхъ узаконеній, ищущіе токмо сражаться, и не знающіе вести войны, неспособные во время соединиться противъ общаго непріятеля, лишенные торговли, всѣхъ искусствъ и всѣхъ способовъ. Никакой народъ не равняется еще и по днесь съ древними Римлянами. Но цѣлая Европа нынѣ много превосходитъ сихъ побѣдителей и законодавцевъ: разсматривая ли толико знаній, доведенныхъ до совершенства, толико новыхъ изобрѣтеній; сію обширную и искусную торговлю, объемлющую оба свѣта; множество богатыхъ градовъ, воздвигнутыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были пустыни при Консу-

лахъ и Цесаряхъ; обращая ли взоръ на сіи многочисленныя и обученныя войски, защищающія толь многія просвѣщенныя государства; проникая ли сіе всегда глубокое и дѣйствующее искусство правленія, которое содержитъ равновѣсіе между толикихъ владѣній. Наконецъ, самая ревность между новѣйшими народами, возбуждающая способность и оживляющая ихъ труды, служитъ еще къ возведенію Европы превыше того, чему она безплодно удивлялась въ древнемъ Римѣ, не имѣвъ ни возможности, ни даже хотѣнія подражать оному.

Но изъ столь многихъ государствъ можетъ ли хотя одно похвалиться, что производитъ подобное число таковыхъ военныхъ Начальниковъ, каковы

наши? У другихъ народовъ служатъ иногда для обогащенія, у насъ разточаютъ имѣніе на службу; прочіе торгуютъ своею кровію съ чужими владѣтелями, здѣсь охотно предаютъ жизнь за своего Государя; тамъ идутъ въ походъ изъ награжденія, тутъ летятъ на смерть, дабы удостоиться воззрѣнія своего Монарха; а честь всегда производила большія дѣла, нежели корысть.

Часто говоря о толикихъ трудахъ и знаменитыхъ дѣйствіяхъ, мы освобождаемъ себя отъ признанія, и приписываемъ все честолюбію. Таково обыкновенно умствованіе неблагодарныхъ. Я признаюсь, что тотъ, кто служитъ, хочетъ возвыситься: и нѣтъ сомнѣнія, что ко всему побуждаются симъ благо-

благороднымЪ честолюбіемЪ, безЪ котораго не было бы и людей великихЪ. Но естьлибЪ не имѣли передЪ глазами видовЪ, усугубляющихЪ любовь кЪ должности, то былиль бы достойно награждены симЪ обществомЪ толь поспѣшнымЪ и расточительнымЪ иногда вЪ своихЪ похвалахЪ, но всегда еще болѣе неумѣреннымЪ вЪ своихЪ обвиненіяхЪ, преходящихЪ отЪ удивленія кЪ равнодушію, а отЪ равнодушія кЪ забвенію?

Спокойные Сибариды вЪ нѣдрахЪ цвѣтущихЪ нашихЪ градовЪ, упражненные изысканіями нѣги, нечувствительные ни кЪ чему, и кЪ самымЪ утѣхамЪ уже истощеннымЪ; утомленные сими повсядневными позорищами, изЪ коихЪ и малѣйшее было бы торжествомЪ для от-

цевъ нашихъ, и сими непрерывными пирами, великолѣпнѣйшими празднованій Царскихъ; среди толикаго сластолюбія, толь тщательно собираемаго и толь мало чувствуемаго, между многочисленныхъ искусствъ и лучшихъ ихъ произведеній, доведенныхъ до толикаго совершенства и такъ мало уважаемыхъ; упокоенные безопасностію и презорствомъ, извѣщаясь о сраженіи, пробуждаются отъ сладкаго своего сна, дабы тщательно развѣдать о подробностяхъ, о коихъ разсказываютъ наудачу, дабы судить предводителя, уменьшить уронъ непріятельской, а свой увеличить: между тѣмъ пять или шесть сотъ родовъ въ слезахъ, или въ страхѣ. Они стонутъ, удаляясь въ свои домы, и изспрашиваютъ у Небесъ супруговъ,

говЪ, сыновЪ, братьевЪ. Мирные обитатели Парижскіе стекаются ввечеру на зрѣлища, влекомы болѣе обычаемЪ, нежели вкусомЪ; и естьли вЪ пиршествахЪ послѣдующихЪ зрѣлищамЪ и скажутЪ нѣчто о умершихЪ, коихЪ знали, то иногда сЪ равнодушіемЪ, либо напоминая ихЪ недостатки, когдабЪ надлежало помнить токмо о ихЪ утратѣ, или даже употребляя противу ихЪ безтрудной и нещастной дарЪ кЪ язвительному осмѣянію, какЪ будто бы еще противЪ живыхЪ.

Но когда мы услышимЪ, что вЪ теченіе нашихЪ успѣховЪ одна неудача (что во всѣ времена сЪ величайшими Военачальниками случалось) воспрепятствовала щастію нашего оружія, тогда все уже погибло;

тогда стараются принять видъ устрашенныхъ, хотя въ самой вещи ничего не опасаются. Жестокія наши укоризны провождали даже во гробъ Полководца, котораго дни пресѣклись въ нещастномъ сраженіи *a*). А извѣстныль намъ его намѣренія и средства? и можемъ ли мы изъ позлащенныхъ своихъ чертоговъ, откуда мы почти не изходимъ, видѣть точно мѣсто сраженія? Тотъ, кого вы обвиняете, могъ ошибиться; но онъ умеръ, за васъ сражаясь! Не уже ли тогда, какъ наши книги, наши училища, наши историческія описанія повторяютъ непрестанно имя нѣкоего Кинегира, который, лишась рукъ, безплодно удерживалъ еще Персидское судно зубами, мы ста-

---

a) Кавалеръ де Бельиль.

станемъ осуждать нашего единоземца, которой умеръ, исторгая подобно ограды непріятельскихъ окоповъ въ Ексильскомъ сраженіи, когда уже израненныя его руки не могли вырывать оныхъ?

Станемъ заблаговременно наполнять духъ примѣрами древности, часто весьма мало доказанными и слишкомъ увеличенными; но оставимъ по крайней мѣрѣ мѣсто въ нашихъ умахъ и для тѣхъ примѣровъ добродѣтели, щасливой или нещастной, кои поданы намъ отъ сограждан нашихъ. Сей младый Бріанъ, который, лишась руки въ Ексильскомъ сраженіи, возходитъ еще на стѣны, говоря: „Мнѣ остается другая для моего Государя и отечества:„ не стоитъ ли обитателя Аттики и Латіи? И всѣ тѣ,

 кои

кои подобно ему устремлялись на смерть, не возмогши нанести ее непріятелямъ, не должныль намъ быть дороже древнихъ чужестранныхъ воиновъ? Не достойныль они стократно болѣе славы, умирая подъ неприступными укрѣпленіями, нежели ихъ непріятели, кои, защищаясь отъ нихъ въ прикрытіи, безъ опасности и труда ихъ поражали?

Что скажу я о погибшихъ въ Деттингскомъ сраженіи, разположенномъ съ толикимъ искусствомъ, коль неудачно произшедшемъ, и гдѣ недоставало токмо повиновенія къ Военачальнику для окончанія войны? Между тѣми, коихъ безполезную храбрость и нещастную смерть исторія прославлять станетъ, возможно ли

за-

забыть юнаго Буфлера *b*), которой десяти лѣтъ возраста лишась на семъ сраженіи ноги, далъ отнять ее безъ стону, и такъ же умеръ: примѣръ твердости, рѣдкой между воинами, и единой въ сіи лѣта!

Естьли мы обратимъ взоръ на дѣйствія, хотя не болѣе отважныя и щастливѣйшія: колико увидимъ Героевъ, коихъ подвиги и имена долженствуютъ быть непрестанно въ устахъ нашихъ! Колико боевыхъ мѣстъ, орошенныхъ драгоцѣннѣйшею кровію, и прославленныхъ побѣдами! Тамо возвышалися противу насъ многочисленные раскаты, кои уже разрушены. Гдѣ сіи Фрибургскія укрѣпленія, омытыя кро-

---

b) Буфлеръ де Ремїанкуръ, племянникъ Герцога Буфлера.

кровію, колеблемыя подъ своими защитниками, окруженныя трупами осаждающихъ? Видны еще Намурскіе валы, и оные замки, побуждающіе удивленнаго путешественника сказать: какъ преодолѣли сію крѣпость, касающуюся облаковъ? Видна Остенда, сопротивлявшаяся прежде трехлѣтней осадѣ, и въ пять дней покоренная побѣдоноснымъ нашимъ войскомъ. Каждое поле, каждый городъ тѣхъ предѣловъ есть памятникъ нашей славы. Но чего стоитъ сія слава!

О благополучные народы! воздайте по крайней мѣрѣ единоземцамъ, жертвовавшимъ собою оной славѣ, или пережившимъ еще по своимъ мученіямъ самихъ себя, награду, коей прахи, или раны ихъ отъ васъ требу-

буютъ. Естьлибъ вы имъ отказали, то лѣса и поля Фландрскія возопіяли бы, и вамъ рекли: здѣсь скромный и неустрашимый Лютоксъ *c*), обремененный лѣтами и службами, двоекратно уже пронзенный, ослабѣвая и истощая кровь свою, вѣщалъ: „Не то нужно, чтобъ спасать жизнь, а употребить съ пользою ея остатокъ;„ и собравъ паки къ бою разсѣянныя войски, получилъ смертельный ударъ, повергшій наконецъ его во гробъ. Тутъ Полковникъ Французской Гвардіи, желая первый обозрѣть непріятеля, первый и пораженъ былъ въ сей день кровопролитный, и умеръ, возсылая обѣты за Монарха и оте-

---

c) Подполковникъ Гвардіи и Генералъ-Порутчикъ.

отечество. Тамъ скончалъ жизнь наслѣдникъ имени славнаго Архіепископа Камбрейскаго, и преемникъ добродѣтелей сего чрезвычайнаго мужа, учинившаго ихъ толь любезными *d*).

О коль справедливо тогда мѣста отцевъ достаются въ наслѣдіе дѣтямъ! Кто можетъ чувствовать малѣйшее движеніе зависти, когда по разнесенію на Турнайскихъ стѣнахъ однимъ изъ сихъ подземныхъ громовъ, неотвратимыхъ ни осторожностію, ни мужествомъ, окровавленныхъ и растерзанныхъ членовъ Полковника Норманскаго, полкъ сей отданъ въ

---

d) Маркизъ Фенелонъ, племянникъ Архіепископа Камбрейскаго, Генералъ-Порутчикъ, Посолъ въ Голландіи.

вЪ томЪ же день младому его сыну, и сіи непобѣдимые ратники довольны были своимЪ ВождемЪ. ТакимЪ же образомЪ оное чужестранное войско, учинившееся по томЪ какЪ наше собственное, носящее имя Диллона, зрѣло дѣтей и братьевЪ, наслѣдующихЪ отцамЪ своимЪ и братьямЪ, погибшимЪ вЪ сраженіяхЪ. Тако и мужественный д'ОбетерЪ, единый ПолковникЪ, убитый при осадѣ Брисселя, имѣлЪ преемникомЪ храбраго своего брата. Для чего смерть и его у насЪ похитила?

Правленіе Фландріи, сего вѣчнаго театра боевЪ, по справедливости досталось вЪ удѣлЪ Воину, который, едва вышедЪ изЪ дѣтства, многократно вЪ одинЪ день подвергалЪ жизнь опасностямЪ вЪ сраженіи при

Року

Року *в*). Тогда отецЪ его, предшествуя сЪ нимЪ его полку, подавалЪ ему наставленія начальствовать и побѣждать. Смерть, которая чтила толь великодушнаго и нѣжнаго отца вЪ семЪ сраженіи, гдѣ она была всечасно окрестЪ ихЪ, ожидала его вЪ Генуѣ подЪ другимЪ видомЪ. Тамо скончалЪ онЪ жизнь сЪ сожалѣніемЪ, что не на стѣнахЪ осажденнаго города ее теряетЪ, но сЪ тѣмЪ утѣшеніемЪ, что оставилЪ Ге-

---

в) ГерцогЪ БуфлерЪ, ГенералЪ-ПоручикЪ, находился вЪ семЪ сраженіи сЪ своимЪ сыномЪ, бывшимЪ тогда пятнатцати лѣтЪ, передЪ полкомЪ сего молодаго человѣка, гдѣ десятью выстрѣлами было пробито его платье; умерЪ онЪ вЪ Генуѣ.

Генуюо вольною, и понесъ во гробъ имя ея освободителя.

Куда ни обратимъ мы наши взоры, на сей ли освобожденный городъ, на рѣкиль По и Тичино, на высоты ли Альпійскія, на брега ли Шелды, Массы и Дуная, повсюду увидимъ или дѣла, достойныя безсмертія, или гробы, возбуждающіе вѣчное наше сожалѣніе.

Должно быть лишеннымъ разума, дабы не удивляться, и безчеловѣчнымъ, чтобъ не прійти въ смягченіе. Вообразимъ себя на мѣстѣ страшащейся супруги, лобзающей въ своихъ дѣтяхъ образъ младаго супруга, ею любимаго *f*), когда сей воинъ,

 под-

f) Маркизъ де ла Фай, убитый въ Генуѣ.

подвергавшійся толикимъ опасностямъ, и многими ранами покрытый, идетъ къ непріятелямъ, предшествуя храбрымъ своимъ воинамъ въ окрестности Генуи, гдѣ сей мужъ, по примѣру своего рода отличившійся науками и оружіемъ, и обладавшій разумомъ, равнымъ своей храбрости, получаетъ пагубный ударъ, толико имъ искомый, и умираетъ. Сраженная сею вѣстію супруга его предается отчаянію, среди дѣтей, нечувствующихъ еще своего нещастія. Здѣсь мать и супруга приготовляются къ отъѣзду, дабы вспомоществовать во Фландріи младому Герою, коего благоразуміе и преждевременная храбрость пріобрѣли уже ему любовь отъ Наслѣдника престола, и казалось, предвѣщали щастливую судь-

судьбу; они ласкаются, что попеченія ихъ возвратятъ его къ жизни, а ихъ увѣдомляютъ, что она уже пресѣклась *g*). Какая минута, какой жестокой ударъ для дочери нещастнаго Императора, обожающей своего супруга, единое ея утѣшеніе, единую надежду въ странѣ чужой, когда она узнала, что лишилася уже навсегда сего супруга, для котораго токмо ей и жизнь была пріятна *h*)!

Встревоженная мать стремится безъ отдохновенія во Фландрію въ жестокомъ страхѣ, въ которой ввергаетъ ее рана младаго ея сына *i*). Уже зрѣла она въ сраженіи при

g) Графъ де Фруле.
h) Графъ де Бавіеръ.
i) Маркизъ де Сегюръ.

Року тѣло его пронзенно и разтерзанно однимъ изъ сихъ бѣдственныхъ ударовъ, отъ коихъ остается всегда болѣзненная жизнь; но въ ономъ случаѣ она еще почитаетъ себя щастливою, и благодаритъ Небо, что видитъ сего сына лишеннаго токмо руки, когда она страшилась найти его во гробѣ.

Не должно искать здѣсь ни порядка временъ, ни порядка нашихъ подвиговъ и утратъ. Чувствованіе не имѣетъ правилъ. Я прехожу въ сіи смежныя съ Аугсбургомъ поля, гдѣ отецъ младаго воина, котораго я воспоминаю, спасъ остатки нашихъ войскъ, и скрылъ ихъ отъ гоненія непріятеля, коему число и измѣна толикое давали превосходство. Но въ

семъ

семъ искусномъ движеніи мы теряемъ послѣднюю отрасль Рупельмондскаго Дому, сего воина толь просвѣщеннаго и любезнаго, исполненнаго глубочайшимъ знаніемъ въ искусствѣ военномъ, соединявшаго неустрашимость духа, твердость и пріятности разума съ кротостію нравовъ. Онъ оставляетъ въ слезахъ супругу и мать, достойную такого сына, коимъ уже не остается болѣе утѣшенія на земли.

Теперь кичливые и суетные умы, расточающіе грубыя и несовмѣстныя осмѣянія на все то, что благородныя и чувствительныя души преклоняетъ на жалость; вы, которые въ важныхъ произшествіяхъ, отъ коихъ зависитъ судьбина государствъ, не ищете ничѣмъ инымъ отличаться, кромѣ на-

называемыхЪ вами острыхЪ словЪ! за что требуете особливаго уваженія вЪ мірѣ. Отважтесь употребить здѣсь сей презрѣнной дарЪ слабаго и варварскаго воображенія; иль паче, буде еще остается вЪ васЪ нѣкое человѣколюбіе, соедините ваши чувствованія сЪ толикими сѣтованіями, и ваши слезы сЪ толикими слезами. — Но достойныль вы проливать слезы?

Да не примутЪ особливо соучастники толикихЪ опасностей, и свидѣтели толь горестныхЪ вороновЪ вЪ сластолюбивой праздности нашихЪ городовЪ и легкомысленномЪ обращеніи, сей привычки, весьма обыкновенной вЪ нашемЪ народѣ, чтобЪ разливать видЪ неуваженія и посмѣянія на то,

что

что есть славнѣйшаго въ жизни и ужаснѣйшаго въ смерти. Не уже ли захотятъ они тѣмъ посрамлять самихъ себя, и мрачить то, что они чтить толико имѣютъ пользы?

Пусть тѣ, кои не занимаются ничѣмъ инымъ, кромѣ сухихъ и смѣха достойныхъ любовныхъ нашихъ повѣстей, и которые по нещастію не знаютъ лучшей забавы, какъ въ сихъ дѣтскихъ мнѣніяхъ, болѣе ложныхъ, нежели пріятныхъ, и всегда повторяемыхъ, презираютъ сію простую дань сожалѣнія, приносимую сердцемъ; пусть скучаютъ они сими справедливыми изображеніями нашихъ возвышеній и троновъ, сими искренними похвалами именамъ и добродѣтелямъ, для нихъ неизвѣстнымъ: я не престану

бросать цвѣты на гробы нашихъ защитниковъ; я возвышу еще мой слабой голосъ; я возвѣщу: здѣсь пресѣкъ жизнь въ лучшемъ цвѣтѣ тотъ воинъ *k*), коего братья сражались подъ нашими знаменами, и котораго отецъ покровительствовалъ науки во Флоренціи подъ чуждымъ владѣніемъ. Тамъ былъ пронзенъ смертнымъ ударомъ Маркизъ де Бово *l*), когда достойный внукъ великаго Конде понуждалъ Ипръ къ здачѣ. Обремененный лютѣйшими мученіями и окруженный нашими воинами, спорящими за честь нести его, сказалъ онъ имъ прерывающимся голосомъ:

„Друзья

---

k) Маркизъ де Бово, сынъ князя де Крaона.

l) Двоюродный братъ перваго.

„Друзья мои! подите, гдѣ вы нужны, подите сражаться, и оставьте меня умирать.„ Кто можетъ достойно прославить благородство его нравовъ, мирныя его добродѣтели, знанія, любовь къ письменамъ, просвѣщенной вкусъ къ древностямъ, съ нимъ погребенным? Тако погибли насильною смертію въ цвѣтущихъ лѣтахъ многіе мужи, отъ коихъ отечество ожидало пользы и славы; между тѣмъ какъ безплодныя бремена земли увеселяютъ въ нашихъ садахъ праздную свою старость тѣмъ утѣшеніемъ, что разсказываютъ первые о сихъ нещастныхъ новостяхъ.

О Провидѣніе! о рокъ! дни наши изчислены; часъ, отъ Вѣчности опредѣленной, внезапно

приходитъ и уничтожаетъ всѣ намѣренія и надежды. Графъ Бисси, готовясь наслаждаться сими почестями, толь желаемыми отъ тѣхъ самихъ, кои обременены ими, приходитъ изъ Генуи предъ Мастрихтъ, и послѣдній ударъ, излетѣвшій изъ стѣнъ, лишаетъ его жизни; онъ становится послѣднею жертвою, закланною въ тотъ самый часъ, когда Небо повелѣвало престать толикимъ кровопролитіямъ. О брань, наполнившая Францію славою и горестію! ты разишь не однѣми быстрыми стрѣлами, мгновенно погубляющими! Колико гражданъ, сродниковъ и друзей было похищено медленною смертію, которую труды походовъ и суровость погодъ влекли за собою!

Тебя уже нѣтъ, о сладкая надежда остатка дней моихъ!

о другѣ нѣжный, воспитанный въ ономъ непобѣдимомъ полку Королевскомъ, всегда провождаемомъ Героями, толико отличившемся при осадѣ Праги, въ сраженіи Фонтенойскомъ, въ сраженіи Лавфелдскомъ, гдѣ онъ рѣшилъ побѣду! Отступленіе отъ Праги чрезъ тритцать миль покрытыхъ льдомъ, влило въ грудь твою смертоносный ядъ, коего скорбные глаза мои зрѣли по томъ дѣйствіе. Навыкнувъ видѣть смерть, ты чувствовалъ приближеніе ея съ тѣмъ равнодушіемъ, какое Философы старались древле или пріобрѣсть, или показать. Объятый страданіемъ извнутрь и извнѣ, лишенный зрѣнія, теряя каждый день часть самаго себя, по единому токмо превосходству добродѣтели, ты не былъ нещастливъ, и сія добро-

дѣ-

дѣтель не стоила тебѣ никакого насилія. Я зрѣлъ тебя всегда самымъ злощастнымъ и спокойнымъ. Неизвѣстнобъ было, чего въ тебѣ лишились, естьлибъ сердце одного краснорѣчиваго мужа не прославило твоего сердца въ твореніи, посвященномъ дружеству, и украшенномъ пріятностями самаго трогающаго стихотворенія. Не удивляло меня, что подъ звукомъ оружія собиралъ ты знанія и мудрость: таковые примѣры у насъ не рѣдки. Естьли тщеславные никогда тобою не овладѣли; естьли ложныхъ друзей гнушалось твое сердце, то находятся благородныя и простыя души, въ томъ тебѣ подобныя. Естьли возвышеніе твоихъ мыслей не могло унизиться къ чтенію сихъ дерзскихъ твореній, проходящихъ

утѣхъ

утѣхъ заблуждающейся юности, увеселяемой болѣе содержаніемъ, нежели сочиненіемъ; естьли ты презиралъ сіе множество писаній, произведенныхъ худымъ вкусомъ; естьли искавшіе имѣть одинъ токмо разумъ, казались тебѣ весьма малы: то сей здравой вкусъ былъ въ тебѣ общій съ тѣми, кои всегда охраняютъ разсудокъ противъ разлитія онаго ложнаго вкуса, который кажется влечетъ насъ къ паденію. Но какимъ чудеснымъ образомъ достигъ ты въ двадцать пять лѣтъ справедливой философіи и справедливаго краснорѣчія, безъ всякаго другаго ученія, кромѣ помощи отъ нѣкоторыхъ хорошихъ книгъ? Какъ могъ ты принять толь почтенный подвигъ, въ вѣкѣ, малостями наполненномъ? и какъ простота робкой юно-

сти

сти скрывала сей глубокій и сильный разумЪ? Долго буду я чувствовать сЪ горестію цѢну твоего дружества, котораго едва вкусилЪ я пріятность. Оно было не то тщетное дружество, которое раждается вЪ суетныхЪ забавахЪ, и сЪ ними изчезаетЪ, оставляя по себѢ всегда жалобы; но дружба твердая и мужественная, самая рѢдкая изЪ добродѢтелей. Лишеніе тебя вложило вЪ сердце мое намѢреніе воздать нѢкую честь прахамЪ толикихЪ защитниковЪ отечества, дабы воздвигнуть также нѢкій знакЪ памяти и твоему праху. Сердце мое, исполненное тобою, искало сего утѢшенія, не стараясь предвидѢть, кЪ какому употребленію сія рѢчь будетЪ назначена, ниже, какЪ она будетЪ принята отЪ человѢческой злости, ко-

торая хотя обыкновенно щадитъ мертвыхъ, но иногда устремляется и на ихъ прахи, когда тѣмъ можетъ удобнѣе терзать живыхъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Молодой человѣкъ, о которомъ такъ справедливо здѣсь жалѣютъ, есть Г. де Вовернагъ, служившій долго въ Королевскомъ полку Капитаномъ. Можетъ быть я ошибаюсь; но мнѣ кажется, что во второмъ изданіи его книги можно найти болѣе ста мнѣній, означающихъ прекрасную душу, и самаго глубокаго и безпристрастнаго Философа.

[illegible]. 1951

18.232.1.112